

**Предварительный отчет К.К. Акентьева о работе над проектом,
поддержанным краткосрочным грантом Международной ассоциации гуманитариев
(МАГ) в области гуманитарных наук в 2012 г.**

29 мая 2013

«Слово о законе и благодати» Илариона Киевского: текст, перевод, комментарий.

В процессе исполнения проекта пришлось выйти за его первоначальные рамки, ограниченные постатейным историко-филологическим комментарием к новому изданию «Слова» Илариона, опубликованному автором проекта в *Byzantinorossica*, 3 (2005). Это было вынужденной мерой, но обернулось чрезвычайно интересными новыми результатами, заметно расширяющими современные представления о византино-славянских литературных связях и технических реалиях творческого труда средневекового книжника. Вероятно, то и другое требует пояснений.

Работа над комментарием опирается на выявление и сравнительный анализ вероятных источников Илариона, дошедших до нас на славянском, греческом, грузинском, армянском, латинском, еврейском и арамейском языках. Сопоставление их свидетельств технически невозможно без использования русского в качестве метаязыка описания выявляемого материала. Поэтому предполагаемое новое издание славянского текста «Слова» Илариона должно сопровождаться столь возможно точным, дословным русским переводом. Но такой перевод оказался невозможен, поскольку подготовленный текст сочетал требования дипломатического издания лучшего списка «Слова» (ГИМ Син. 591) с минимальной филологической критикой текста, необходимой в рамках развивавшегося источниковедческого подхода. В силу этого он содержал множество неправильных грамматических форм, воспроизводящих особенности лучшего списка и исключаящих возможность точного перевода (все существующие «переводы» Слова Илариона являются весьма «вольными» его пересказами, нередко грубо искажающими его смысл). Поэтому пришлось выйти за рамки проекта и подготовить критическое издание в собственном смысле слова, с учетом разночтений как по всем 53 известным спискам «Слова», так и по всем вторичным свидетельствам, цитатам из «Слова» в более поздних памятниках. В итоге получен грамматически правильный текст, сопровождаемый точным русским переводом и детальным постатейным историко-филологическим комментарием. При этом допущен только один случай «рационалистической правки» текста, все остальные конъектуры (более сотни) обоснованы эмпирическим материалом рукописной традиции.

Полученный результат обернулся целым рядом новых, во многом неожиданных последствий, породив своеобразную цепную реакцию. Во-первых, последовательный анализ всей рукописной традиции обеспечил исправление испорченных чтений не только в грамматических формах, но также и в лексическом субстрате и синтаксической организации текста. В частности, удалось освободить текст от таких оксюморонов, как «ночные милости и дневные щедроты» князя Владимира: обнаружилось «нечадные (т.е. безотказные) милости и дивные щедроты». Удалось избавить текст и от обширной (45 слов) позднейшей интерполяции стихов Ис. 51:4-5, вклинившейся в изысканную композицию Илариона и в рукописной традиции «Слова» сопровождающейся грубейшей порчей библейского текста, радикально трансформирующей его смысл. Эта интерполяция примыкает к двум общеизвестным вставкам («Слово о Христе и Адаме» и «Пророки»), наличие которых выступает главным признаком третьей семьи рукописной традиции, и может восходить к тому же источнику, что и «Пророки».

В итоге история текста предстала в совершенно новом свете. Это позволило внести целый ряд уточнений в предложенную А.М. Молдованом стемму рукописной традиции и подготовить критическое издание «Слова», текст которого сопровождается дословным переводом и вполне может служить аутентичным историческим источником.

Но особую ценность представляет открывшаяся на этом пути возможность более детального анализа разночтений в библейских цитатах и парафразах – анализа, который станет важнейшим средством идентификации источников Илариона и реконструкции основных звеньев его творческого процесса. Для сравнительного анализа привлекаются все известные славянские библейские рукописи XI–XII веков и свидетельства 300 греческих списков, учтенных в издании R. Holmes & J. Parsons. Единичные «еврейские» чтения, вероятно восходящие к прото-масоретскому еврейскому тексту, верифицируются с учетом изданных рукописей Кумрана.

Такой подход позволил, с одной стороны, выявить множество точных цитат малоизвестных версий библейских текстов (там, где ранее предполагалась их парафраза), а с другой, обнаружить целый ряд случаев завуалированной парафразы, которая сопровождается существенным и, видимо, целенаправленным варьированием синтаксической структуры и лексического субстрата библейского текста. Здесь возможно влияние классицизирующей традиции (Псевдо-Нонн Панополитанский, Георгий Писиды, etc.), и следы такого влияния проливают немаловажный дополнительный свет на источники Илариона.

Полученные результаты позволили внести уточнения в сложившиеся ранее представления об источниках Илариона, формах их сочетания, об авторском замысле Илариона и технике его литературного труда.

Ближайший вероятный источник Илариона выявлен в анонимном «Слове на обновление Десятиной церкви», видимо восходящем к ее обновлению 12 мая 995 г. (или повторному ее обновлению 13 мая 1039 г.). «Слово» Илариона выступает антитезой этому памятнику, противопоставляя развиваемой в нем курсунской традиции почитания св. Климента Римского альтернативный культ «собственного апостола», князя Владимира. Затем, по хронологии, следуют гомилетика и переписка патриарха Фотия, к трудам которого восходит целый ряд особенностей «Слова» Илариона. Далее следуют целые каскады литературных параллелей в сочинениях патриарха Никифора (более 200) и Иоанна Дамаскина (более 150), тесные корреляции между которыми указывают на вероятность их общего источника в недошедших до нас «Пяти книгах против иудеев» Леонтия Неаполитанского (около 634 г.), опиравшегося в свою очередь на древнейшую традицию «прений с иудеями», восходившую к Юстину Мученику и апостолам Павлу и Варнаве. Именно в этом русле, вдоль этой «силовой линии», и выстраиваются все прямые или опосредованные заимствования Илариона у Евсевия Кесарийского, Астерия Ритора, Евсевия Эмесского, Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Псевдо-Августина, Исихия Иерусалимского, Прокла Константинопольского и псевдоэпиграфического «Прения Паписка и Филона Иудея» (после 630 г.).

В итоге «Слово» характеризуется как литературная композиция Иларионом по мотивам его праздничной проповеди на обновление «Города Ярослава» и его кафедрала, киевской Св. Софии, 11 мая 1046 г. Тема христианского обновления Руси и энкомий ее Апостолу выступают вполне традиционным литературным расширением непосредственного предмета проповеди на обновление города и храма.

Но здесь и возникли проблемы, требующие продолжения работы. Один из важнейших источников Илариона выявлен в гомилии Иоанна Дамаскина «На Обновление Обновлений» (около 692 г.), которая сохранилась лишь в грузинском переводе середины XI в. Но эта гомилия могла опираться в свою очередь на не дошедшие до нас «Пять книг» Леонтия Неаполитанского, множество эксцерптов из которых содержится (с прямыми ссылками) в других сочинениях Иоанна Дамаскина, в актах VII Вселенского собора и в сочинениях патриарха Никифора. Отсюда напрашивается предположение, что Илариону был известен также и сам этот труд Леонтия. Для его верификации необходим тщательный сравнительный анализ как несомненных, так и возможных следов этого произведения в византийской литературе VII–XI вв. Эта работа может занять еще около года, поскольку требует тщательного пересмотра всего выявленного материала.